

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

СУДЬБА ПРАУДМУРТСКОГО ОГУБЛЕННОГО *ö* В СОВРЕМЕННЫХ ДИАЛЕКТАХ *

1. Гласная фонема среднего ряда среднего подъема, обозначаемая в удмуртском литературном языке буквой *ö*¹, реализуется в современном языке в двух диалектных разновидностях: а) ее неогубленный вариант *e* — гласный среднего подъема среднего ряда² — характерен для речи абсолютного большинства удмуртов, б) относительно немногие употребляют огубленный вариант *ö* — гласный среднего подъема передне-среднего ряда.³

Студент Удмуртского государственного университета И. Байметов, уроженец д. М. Качак Калтасинского района Башкирской АССР, в устной беседе сообщил, что в его родном говоре (одном из закамских) *ö* является слабоогубленным. Однако данный вариант рассматриваемого гласного (условно *e°*), составляющий среднее, промежуточное, звено между лабиализованным *ö* и нелабиализованным *e*, никем специально не изучался, не отмечен и в монографии Р. Ш. Насибуллина, посвященной описанию закамских говоров⁴, так что пока он остается гипотетичным.

* Статья представляет собой переработанный и дополненный вариант доклада, прочитанного 17 апреля 1973 года на Научной конференции Удмуртского государственного университета по итогам научно-исследовательской работы за 1972 год.

¹ Эта же буква далее употребляется для обозначения рассматриваемой фонемы безотносительно к ее огубленности/неогубленности.

² А. М. Акмаров характеризует его: «[*ö*] определяется как нелабиализованный гласный среднего отодвинутого назад ряда среднего подъема» (А. М. Акмаров, Удмуртские гласные по данным рентгенографического и палатографического исследования. — Вопросы теории и методики изучения русского языка IV, Ижевск 1965, стр. 156).

³ В бавлинском диалекте «фонема *ö* отличается от соответствующего литературного неогубленного *ö* своей лабиализованностью и более передним образованием» (И. В. Тараканов, Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных), Тарту 1959 (автореф. канд. дисс.), стр. 6). «Шошминское *ö* можно определить как лабиализованный гласный среднего (вернее, передне-среднего) ряда среднего подъема» (Т. И. Тепляшина, Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка. — Вопросы языка, литературы и фольклора, Йошкар-Ола 1961 (ТМарНИИ XV), стр. 127—128).

⁴ См. также В. К. Кельмаков, Р. Ш. Насибуллин, Закамские говоры удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1972 [Рец.]. — СФУ X 1974, стр. 284.

Что касается утверждения Д. В. Бубриха о «слабо огубленном» характере удм. (лит.) \ddot{o} ⁵, то это не совсем соответствует действительности, на что уже указывали исследователи пермских языков.⁶

1.1. В связи с функционированием данной фонемы в различных удмуртских диалектах в двух (трех?) произносительных вариантах возникает вполне закономерный вопрос: который из них — огубленный или неогубленный — был первичным, т. е. характерным для праудмуртского языка (начальных этапов периода самостоятельного развития удмуртского языка)? Правда, не исключена и третья возможность: оба варианта восходят к третьему звуку иного качества, представлявшему рассматриваемую фонему в период праудмуртского языка.

2.1. Достоверное упоминание о двух разновидностях \ddot{o} (\ddot{o} и более глубокого по образованию $\ddot{ö}$) находим впервые у Т. Г. Аминоффа; причем вторая ($\ddot{ö}$) представляет собой, по его мнению, позиционный вариант первой (\ddot{o}), встречающийся в положении после губных согласных p , v и b или перед твердым гуттуральным l .⁷

Ю. Вихманн в работе по вокализму удмуртских диалектов совершенно справедливо указывает в отличие от своего предшественника на диалектную соотношенность ξ (= ϵ) и \ddot{o} (= $\ddot{ö}$). Неогубленный ξ («при артикуляции которого губы находятся в положении [произношения] e ») встречается в уфимском, малмыжском, сарапульском, гловском и бесермянском диалектах, а огубленный \ddot{o} характерен для малмыжско-уржумского, елабужского и казанского диалектов.⁸

Указание на различные диалектные варианты рассматриваемого гласного находим также в работах венгерских лингвистов И. Балашша⁹, Д. Р. Фокоша-Фукса.¹⁰

2.2. Если вышеназванные авторы, как можно было заметить, не акцентировали внимания на вопросе о первичности одного из вариантов \ddot{o} и возникновении второго, то в последующих работах по фонетике пермских языков эта проблема становится одной из узловых.

В общепермском плане она решается в пользу первичности огубленного варианта \ddot{o} (= $\ddot{ö}$)¹¹, сохранившего, как полагают, свой лабиализованный характер еще и в начальный период самостоятельного развития современных пермских языков, а в отдельных окраинных коми и удмуртских диалектах — вплоть до наших дней.¹²

Одно из основных положений, приводимое В. И. Лыткиным в нескольких работах в качестве аксиомы для доказательства праязыкового характера огубленных \ddot{o} и \ddot{u} в современных пермских диалектах, кото-

⁵ Д. В. Бубрих, Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком), Ижевск 1948, стр. 18.

⁶ См., например, И. В. Тараканов, Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных). Тарту 1958 (канд. дисс., рукоп.), стр. 267; В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 118.

⁷ Т. Г. Aminoff, Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos. Julkaissut Yrjö Wichmann. — JSFOu XIV₂, Helsinki 1896, стр. 10.

⁸ Y. Wichmann, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Votjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische, Helsinki 1915 (MSFOu XXXVI), стр. V, 18.

⁹ J. Balassa, A votják nyelv néhány hangjáról. — KSz XVI 1915/1916, стр. 102.

¹⁰ V. Munkácsi, Volksbräuche und Volksdichtung der Votjaken. Herausgegeben von D. R. Fuchs, Helsinki 1952 (MSFOu 102), стр. XXX—XXXI.

¹¹ Д. В. Бубрих, указ. раб., стр. 33; В. И. Лыткин, Историческая грамматика коми языка I. Введение. Фонетика, Сыктывкар 1957, стр. 95—96.

¹² В. И. Лыткин, Историческая грамматика коми языка I. Введение. Фонетика, стр. 96; его же, Исторический вокализм пермских языков, стр. 123 (сноска 18); его же, Лабиализованные гласные среднего ряда в пермских языках. — ВЯ 1968, № 1, стр. 91; И. Тараканов, О некоторых фонетических особенностях бавлинского диалекта удмуртского языка. — Keeleteaduslikke töid, Tartu 1959 (TRÜT 77), стр. 188; Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962, стр. 19.

рое обобщенно звучит следующим образом: сходные явления, встречающиеся в территориально отдаленных друг от друга диалектах близкородственных языков, должны быть квалифицированы как праязыковые¹³, — в целом довольно просто, интересно, но далеко не безупречно. Оно, как нам кажется, не считается с возможностью конвергентного развития сходных черт, сплошь да рядом наблюдаемого в истории родственных языков или диалектов одного языка. Таковы, например, появление анлаутных звонких смычных в венгерском и пермских языках¹⁴, вполне самостоятельное развитие гласного *ə* в татышлинском и кукморском диалектах удмуртского языка¹⁵ или же возникновение заднерядного варианта гласного *i* почти в тех же отдаленных друг от друга пространствах в сотни километров коми и удмуртских диалектах, в которых имеются огубленные *ı* и *ö*¹⁶ и т. д.

В целом же В. И. Лыткин довольно убедительно доказал первичность огубленного варианта *ö* в коми языке.¹⁷

3. Что касается удмуртского языка, то мы вполне солидарны с теми авторами, которые считают, что в праудмуртский период *ö* был огубленным. В пользу данного предположения говорят следующие факты.

3.1. В финно-угорском и общепермском языках-основах огубленные гласные не могли употребляться за пределами первого слога, в первых слогах корня и суффиксах различных типов могли функционировать лишь нелабиализованные гласные.¹⁸ Этот фонетический закон первого слога без существенных изменений был, по всей вероятности, унаследован и праудмуртским языком. Современный удмуртский язык как в литературной форме, так и в диалектных вариантах отчетливо обнаруживает следы былого действия этого закона дистрибуции огубленных/неогубленных гласных в фонетической структуре слова.

Так, десять гласных фонем удмуртских диалектов (в различных диалектах количество гласных варьирует в пределах 6—10¹⁹) в функциональном отношении делятся на две группы.

¹³ В наиболее законченном виде оно сформулировано так: «Почти абсолютное тождество артикуляций среднерядных лабиализованных гласных (*ö* и *ı* — В. К.), встречающихся в различных диалектах, отдаленных друг от друга пространством в несколько сот километров, свидетельствует о том, что эти звуки существовали в фонетической системе общепермского языка-основы и отнюдь не представляют собой инновацию, появившуюся на местах, территориально разобщенных» (В. И. Лыткин, Лабиализованные гласные среднего ряда в пермских языках, стр. 90; см. еще его же, Историческая грамматика коми языка I. Введение. Фонетика, стр. 94; его же, Исторический вокализм пермских языков, стр. 119—120).

¹⁴ Д. Лако, Существовали ли в финно-угорском языке-основе звонкие смычные согласные в начале слова. — *Annales Universitatis Scientiarum Budapestiensis V*, Budapest 1964, стр. 57—73.

¹⁵ В. К. Кельмаков, Фонема *ə* в татышлинском диалекте удмуртского языка. — СФУ X 1974, стр. 104—105.

¹⁶ В. К. Кельмаков, Рефлексы праудмуртских среднерядных гласных верхнего подъема в современных диалектах. — СФУ XI 1975, стр. 96—104.

¹⁷ В. И. Лыткин, Историческая грамматика коми языка I. Введение. Фонетика, стр. 94—95.

¹⁸ В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, стр. 239; его же, От редакции. — В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев, Верхневычегодский диалект коми языка, Сыктывкар 1966 (Историко-филологический сборник 10), стр. 4; его же, О вокализме первого слога финно-угорских языков. — СФУ VI 1970, стр. 221—222; его же, Спорадическая лабиализация гласных 2-го слога слов пермских языков. — MSFOu 150, Helsinki 1973, стр. 205.

¹⁹ В. К. Кельмаков, Опыт классификации удмуртских диалектов по составу гласных. — Сөвещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений (Ереван, 2—5 октября 1973 г.), Москва 1973, стр. 15—16.

Гласные первой группы — неогубленные *a, e, i, i̇* (*î, â*), *ä, ä̇* и огубленный *o*²⁰ — абсолютно не ограничены в своем употреблении позицией слога по отношению к началу слова. Неогубленные *a, i, e* и *i̇* и огубленный гласный *o* (< неогубленного) входят в состав абсолютного большинства суффиксов различных типов: регулярные суффиксы с огласовкой на эти перечисленные гласные составляют в современном удмуртском литературном языке 98% общего числа наиболее употребительных суффиксов.²¹

Гласные второй группы — огубленные *u, u̇* и гласный *ö* (огубленный в одних диалектах и неогубленный в других) — функционируют преимущественно в пределах первого слога слова, во втором и других непервых слогах употребление их ограничено определенным кругом грамматических форм и лексем. Они встречаются:

3.1.1.1. в сложных словах, второй компонент которых содержит в первом слоге названные гласные (примеры с гласными, употребительными и в литературном языке, даются в литературной форме): *коньы-губи* 'рыжик', *лйялгуби* 'опенок', *шыргуби* 'сыроежка' (-губи 'гриб'), *аймурт* 'свекор', *вумурт* 'водяной', *кышномурт* 'женщина', *удмурт* 'удмурт, удмуртский, (-мурт 'человек)', *виртурын* 'зверобой', *пöсьтурын* 'перец', *сöлтурын* 'метлица полевая' (-турын 'трава; сено'); бавл., татш., шошм. *süterpü* 'смородина (куст)', бавл., кузм. (лельв.), татш., шошм. *šürü* 'калина (куст)' (-рү 'дерево; куст; древесина'); *кыкыньöл* 'папоротник' (-ньöл 'стрела'), *кочышкöжы* 'просвирник', *немичкöжы* 'бобы', *шыркöжы* 'горошек мышиный' (-кöжы 'горох') *жökсьöр* 'застолье', *сильсьöр* 'затылок' (-сьöр 'зад, пространство за чем-либо') и др.;

3.1.1.2. в заимствованиях: *автобус, акула, бамбук, депутат, геркулес, зулус, институт, каникул* 'каникулы', *минут* 'минута', *наука, революция* и др.; *ö* и *ü* в русских заимствованиях в указанной позиции не употребляются;

3.1.1.3. в некоторых суффиксах позднего происхождения или подвергшихся фонетическим преобразованиям более позднего времени: *-ку* (суффикс деепричастия, например, *ужа-ку* 'работая, при работе, во время работы') < **-ki*²², *-уш* и *-ук* (суффиксы субъективной оценки существительных, например: *Вал-юш, Маш-ук*) < русского и др.

3.1.2. Как можно заметить, гласный *ö* независимо от того, является ли он в современных удмуртских диалектах огубленным или неогубленным ведет себя в фонетической структуре слова всех удмуртских диалектов так же, как огубленные *u* и *ü* (гласный *o* в силу исторических причин, как упомянуто выше, составляет исключение из группы лабиализованных гласных): он не употребляется в суффиксах²³ и непервых слогах производных основ. Это явно свидетельствует в пользу тезиса о былой огубленности *ö* во всех удмуртских диалектах.

3.2. В ранних татарских заимствованиях на месте огубленного гласного верхнего подъема переднего ряда *ü* (орфографически *ү* или

²⁰ Гласный *o* в суффиксах и непервых слогах производных основ, за исключением заимствований типа *депо, килограмм, моток* и др., восходит к первичному **a* или **e* (В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, стр. 235; его же, Спорадическая лабиализация гласных 2-го слога слов пермских языков, стр. 209).

²¹ В. И. Лыткин, Спорадическая лабиализация гласных 2-го слога слов пермских языков, стр. 208.

²² Д. В. Бубрих, указ. раб., стр. 70; П. Н. Перевощиков, Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке, Ижевск 1959, стр. 68—70.

²³ Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, стр. 33.

ю = *йу*)²⁴ оригинала в диалектах южного и северного наречий и средних говорах стоит довольно далекий к нему в фонетическом отношении нелабиализованный гласный среднего подъема среднего ряда *e* (орфографически *ö*), например²⁵: *gögörsin* < тат. *күгәрчен* 'голубь', *йөн* 'толк, польза; лучше, легче (больному)' < тат. *юнь* 'толк, способность; способ, средство; выход', *көбөле* 'майский жук' < тат. *күбэлэк* 'бабочка, мотылек', *көмеч* 'сдобный колобок из овсяной муки' < тат. *күмәч* 'булка, булочка; калач, белый хлеб', *көрүк* 'кузнечный мех' < тат. *күрек* 'мех (кузнечный, гармони)', *көчыны* 'переселяться, кочевать; бежать, убежать; перебежать' < тат. *күчу* 'переходить, перейти; переселяться, перебираться; кочевать', *өксыз* < тат. *үксез* 'сирота', *өкыныны* 'раскаяться' < тат. *үкенү* 'каяться, раскаиваться, жалеть, сожалеть; скорбеть, сокрушаться', *өлексы* 'калека, урод; искалеченный, слабый' < тат. *үләксә* 'падаль, труп (животного); очень худой человек', *өпкельыны* 'раскаиваться' < тат. *үпкәләү* 'обижаться, обидеться; сердиться, пенять', *өрсыны* 'разрастись' < тат. *үрчу* 'плодиться, размножаться', *ось* 'мечь' ~ *өч* 'злоба, досада' < тат. *үч* 'мечь, мщение, отмстка; злоба', *өткын* 'ловко' < тат. *үткен* 'острый; хваткий, расторопный, шустрый; пронзительный', *төро* 'тысяцкий (на свадьбе); (устар.) председатель' < тат. *түрә* 'начальник, чиновник, сановник', *төрсэрег* 'передний угол дома' (*сэрег* 'угол') < тат. *түр* 'передний угол, красный угол, почетное место (в доме, квартире)'.
 Существенные различия в произношении тат. *ү* и его удмуртского субститута (лит.) *ö* обусловлены теми действительными и предполагаемыми изменениями, которые они претерпели в системе вокализма соответствующих языков.

Известно, что тат. и башк. *ү* соответствует переднерядному лабиализованному гласному среднего подъема *ö* других тюркских языков, которые сохраняют более раннее состояние рассматриваемого тюркского гласного.²⁶ Сужение *ö* на одну ступень (**ö > ü*) произошло в поволжско-приуральских булгаро-кыпчакских языках относительно поздно — возможно, в XVI—XVII вв.²⁷

Мы исходим, таким образом, из вполне достоверного предположения, что указанные татарские слова проникли в удмуртские диалекты не с узким гласным *ү* (= *ü*) — в противном случае он субституировался

²⁴ «Фонема *ү* является таким же губным гласным звуком, как и *у*, но относится к переднему ряду. При произношении *ү* язык продвигается вперед, и средняя часть языка максимально приближается к твердому небу. По принятой в тюркологии характеристике гласных *у* и *ү* являются узкими губными гласными верхнего подъема, причем *у* является гласным заднего ряда, а *ү* — переднего ряда» (Ф. Г. Исхаков, Об отдельных фонемах татарского языка. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков I. Фонетика, Москва 1955, стр. 235).

²⁵ Удмуртский материал в основном из: Удмуртско-русский словарь, Москва 1948; татарский оригинал удмуртских лексем указан по: Татарско-русский словарь, Москва 1966.

²⁶ В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, Казань 1953, стр. 43, 97; М. Ряснен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, Москва 1955, стр. 83—84; Ф. Г. Исхаков, указ. раб., стр. 236.

²⁷ Процесс **ö > ü* протекал, по всей вероятности, одновременно с сужением **o > u* и **ä > i*, имевшим место в вокализме татарского и башкирского языков. Переход же **ä > i*, по свидетельству языка надгробных плит XV—XVI вв., к указанному периоду времени еще не завершился (Л. Ж. э. л. й, Татар теленен, тарихи фонетикасы буенча материаллар, Казань 1954, стр. 50).

бы наиболее близким к нему праудм. **ü*²⁸ (п.-южн. *ü* (*u*, *ə*), южн., сред. *u* (*i*), зак. *i*, сев. *u*), — а с широким огубленным гласным переднего ряда **ö*.²⁹ Замещение же его удм. *ö* (южн., сев., сред., зак. *e*, п.-южн. *ö*) произошло лишь потому, что последний в период заимствования перечисленных татаризмов был повсеместно огубленным и несколько продвинутом вперед, как в периферийно-южном наречии, т. е. чрезвычайно близким к татарскому оригиналу гласным. Если предположить, что *ö* в праудмуртском языке был нелабиализованным (= **e*), то мы должны ожидать замещения тат. **ö* скорее праудм. **e* (совпадение по признаку подъема и ряда, расхождение по признаку лабиальности), нежели **e* (совпадение лишь по одному признаку — подъема, расхождения же по двум признакам — лабиальности и ряда).

3.3. Среди различных рефлексов этого праудмуртского гласного в современных диалектах встречается, помимо огубленного *ö*, другой лабиализованный гласный — *o* (примеры см. 4.2.2), появление которого едва ли было бы возможно, если бы искомый древний прототип не был огубленным.

3.4. Мы вынуждены восстановить для праудмуртского периода огубленный *ö* и по некоторым структурным соображениям.

При праудм. **ü* можно с некоторой степенью вероятности предположить наличие и огубленного *ö* (= **ö*).³⁰ Однако здесь необходимы определенные оговорки и уточнения. Дело в том, что средний ряд был представлен в праудмуртском языке двумя узкими гласными: огубленным **ü* и неогубленным **i*.³¹ В связи с этим возникает вопрос: с которым из них вступал в коррелятивные отношения среднерядный **ö* — являясь неогубленным, с гласным **i*, как в северном и южном наречиях и промежуточных срединных и закамских говорах (**e* : *i*), или, будучи лабиализованным, с гласным **ü*, как в периферийно-южном наречии (**ö* : **ü*)?

Учитывая, что праудмуртский среднерядный гласный среднего подъема имеет в современных диалектах почти такие же (правда, отличающиеся по подъему на одну ступень, как и сами **ö* и **ü*) рефлексy, что и **ü* (а не **i*)³², упомянутую выше дилемму следует решить в пользу последнего тезиса. Иначе говоря, в праудмуртском языке среднерядный гласный среднего подъема находился в корреляции с **ü* и был, несомненно, огубленным.

²⁸ Это действительно имело место в позднейших татарских заимствованиях периферийно-южных диалектов. Например: кукм. *aş bürä* 'голодный, проголодавшийся, ненасытный' < тат. *aç бүре* 'голодный волк', татш. *kulaga ~ külägä* 'тень, сень' < тат. *күләгә* то же и т. д.

²⁹ См. аналогичный факт сохранения древней (широкой) формы тат. *y* в татарских заимствованиях марийского языка (Ф. И. Гордеев, Фонетическое освоение татарских заимствований в марийском литературном языке. — ТМарНИИ, вып. XIII, Йошкар-Ола 1960, стр. 155—156).

³⁰ Б. А. Серебрянников, Вероятностные обоснования в компаративистике, Москва 1974, стр. 315.

³¹ В. К. Кельмаков, Рефлексы праудмуртских среднерядных гласных верхнего подъема в современных диалектах, стр. 104.

³² Систему репрезентации **ö* в современных диалектах см. ниже (4.1—4.3), а гласных **ü* и **i*: В. К. Кельмаков, Рефлексы праудмуртских среднерядных гласных верхнего подъема в современных диалектах, стр. 96—104. Забегая вперед, следует заметить, что некоторые отличия в представительстве **ü* и **ö* обусловлены системными отношениями и связями в праудмуртском вокализме: **ö* был единственным среднерядным гласным среднего подъема, а в верхнем подъеме наряду с **ü* имелся **i*.

4. Таким образом, прайдм. *ö* был лабиализованным и, вероятно, очень напоминал по своим акустико-артикуляторным признакам *o* современного периферийно-южного наречия. Дальнейшая судьба прайдм. **ö* сложилась в диалектах по-разному.

4.1. Фонетически и фонематически сохранился он лишь в диалектах периферийно-южного наречия, например: прайдм. **vöj* > бавл., кукм., татш., шошм. *vöj* 'масло; жир'; прайдм. **ös* > бавл., кукм., татш., шошм. *ös* 'дверь'; прайдм. **köt* > бавл., кукм., татш., шошм. *köt* 'живот' и т. д.

Лишь в исключительно редких случаях **ö* исторически заместился другими гласными: в позиции после губных согласных — *o* (4.2.2); в единичных случаях, делабиализовавшись, совпал с *e*, например: прайдм. **jötī-* (ср. удм. лит. *йöтыны*) > кукм. *detä-* 'попасть, задесть; пристать (о заразе, болезни)'; прайдм. **övol* (ср. удм. лит. *övöl*) > кукм. *evol* ~ *evou*, татш. *eväl*, шошм. *ebu* 'нет, не имеется, не'; прайдм. *öbīla-* (ср. удм. лит. *öбыланы* 'окоченеть') > кукм. *ebälak karä-* 'ошпарить, сильно обжечь', *ebälmä-* 'ошпариться, обжечься' и др.³³

4.2. В остальных удмуртских диалектах произошла делабиализация прайдм. **ö*, давшая, однако, в каждом из них различные результаты.

4.2.1. В большинстве удмуртских диалектов (северном и южном наречиях, срединных и закамских говорах, в том числе и в удмуртском литературном языке) гласный **ö*, утратив признак огубленности, фонематически сохранился в виде нелабиализованного *e*. Последний в целях большего фонетического контраста с *e* отодвинулся назад, на средний (средне-задний) ряд. В отдельных диалектах имело место спорадическое слияние рефлексов **ö* с фонемами *e* или *o*, выражающееся в междиалектных корреспонденциях *e* ~ *e*, например: удм. лит. *нöкы* ~ диал. *nekī* 'сметана', удм. лит. *свöд* ~ диал. *šed* 'черный', удм. лит. *дöды* ~ диал. *dedī* 'сани', удм. лит. *тöды* ~ диал. *tedī* 'белый', диал. *дера* ~ удм. лит. *дэра* 'холст', удм. лит. *öрекчаны* ~ *эрекчаны* 'обмануть, солгать, провести', диал. *jəso* (*dəso*) ~ удм. лит. *eco* 'пришвицы' и др.; *e* ~ *o*, например: удм. лит. *оскалтыны* ~ диал. *eskalti-* 'пробовать', диал. *želgiri* ~ удм. лит. *зольгыри* 'воробей' и др.; *e* ~ *e* ~ *o*, например: удм. лит. *övöl* ~ диал. *evel* (*evel*, *evol*, *eväl*) ~ диал. *ovol* 'нет, не имеется, не', удм. лит. *вöй* ~ диал. *vej* ~ *voj* 'масло' и др.³⁴

³³ Различные рефлексы **ö* используются иногда в рассматриваемых диалектах для смыслового разграничения форм одного и того же слова. Так, *ö* и *e* (< **ö*) усиливают семантическую дивергенцию различных форм многозначного глагола **šödtī-* 'застрять, застревать, зацепиться; найтись, отыскаться' — каузатив от него **šödti-* 'найти, отыскать' > кукм. *šödä-* 'застрять, зацепиться' — *šettä-* 'найти, отыскать' ~ татш. *šöttä-* то же (ср. соответственно удм. лит. *шедьыны* — *шедьтыны*); ср. еще удм. лит. *бöрысь* 'после, потом, впоследствии' — *берысь* 'из-за (откуда?)' (< прайдм. **bör-*).

³⁴ Примеры частично из: Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, стр. 41—42; Т. И. Тепляшина, Краткая программа-вопросник по сборанию сведений об удмуртских диалектах, Москва 1966, стр. 23; Удмуртско-русский словарь; см. также: Y. Wichman, указ. раб., стр. 36—37, 44. Следует заметить, что не во всех случаях междиалектного чередования *o* ~ *ö* или *e* ~ *ö* нужно видеть рефлекс **ö*, здесь могут быть и образования по аналогии. В частности, в послелого удм. лит. *понна* ~ диал. *penna* (бес. *pinna*) 'за, ради, для', этимологически связанном с существительным *пум*, диал. *пуң* 'конец, кончик; вещь, предмет' (Т. Е. Uotila, Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen, Helsinki 1933 (MSFOu LXV), стр. 330; КЭСК, стр. 68), корневой *o* ~ *e* восходит к прайдм. **o₂*, а не к *ö*. Вторичен *ö* (= *e*, *ö*) и в следующих словах лите-

4.2.2. В бесермянском наречии разогубление **ö* привело к функциональному и фонетическому слиянию его с неогубленным переднерядным *e*, поэтому в основной массе удмуртских слов, которые в праудмуртский период содержали **ö* (> удм. лит. *ö*), в бесермянском имеем *e*, например: бес. *bedono* ~ удм. лит. *bödëno* 'перепел', *vej* ~ *vöj* 'масло', *žek* ~ *žök* 'стол', *jenö* ~ *jöny* 'осот', *kelö* ~ *köly* 'щебень, галька'; *peš* ~ *pöсь* 'жара, зной', *šer* ~ *сьör* 'чужой', *tel* ~ *töl* 'ветер', *tež* ~ *čöж* 'утка', *šet* ~ *šöm* 'вкус' и др.

В единичных случаях праудм. **ö* дал бес. *o* (кстати, данный гласный (< **o*) в бесермянском наречии выступает нередко в тех же словах, что и в периферийно-южном наречии и некоторых других удмуртских диалектах), например: бес., кукм. *polän*, южн. (д. Арвазь-Пельга Кизнерского р-на Удмуртской АССР) *polin* ~ удм. лит. *pölyn* 'среди, внутри', бес., кукм. *poštä-* ~ удм. лит. *pöсьтыны* 'износиться, изнашиваться', бес. *por* ~ удм. лит. *pör* 'стряпня, домашнее дело', бес. *mol* ~ удм. лит. *möl* 'грудные мышцы птиц', бес. *pormenö* ~ удм. лит. *pörмыны* 'удастся, получить', кукм. *poškä* ~ удм. лит. *pöськы* 'чирей, фурункул', кукм. *voš* ~ удм. лит. *vöсь* 'больно' и т. д.

В двух словах в качестве репрезентанта праудм. **ö* в языке бесермян выступает *ө* (-*ä*): *mөj* ~ удм. лит. *möjы* 'старый, старик', *pөj* ~ удм. лит. *pöj* 'дескать, мол'.³⁵ В последнем случае, по-видимому, имеем дело с прабес. **ö* > **ü*. Последний в современном бесермянском закономерно перешел в *ä*, например: праудм. **küna* 'гость' > бес. *käno*, праудм. **küs* 'поясница' > бес. *käs* и др.³⁶ Сужение праудм. **ö* в **ü* с последующим изменением его в *ä* встречается и в одном кукморском слове: праудм. **öžit* 'мало, немного' > кукм. *äžät* (< **üžit*) ~ сев, южн., сред., зак. *ežit*, татш. *öžät* то же.

4.3. Рефлексы праудм. **ö* в современных диалектах обобщенно отражает схема.

* <i>ö</i> —	→ <i>ö</i>	[~ <i>o</i> , ~ <i>e</i> , ~ <i>ä</i> (< * <i>ü</i> < * <i>ö</i>)] — п.-южн.
	→ <i>e</i>	[~ <i>e</i> , ~ <i>o</i>] — сев., южн., сред., зак.
	→ <i>e</i>	[~ <i>o</i> , ~ <i>ä</i> (< * <i>ü</i> < * <i>ö</i>)] — бес.
	→ <i>o</i> ?	

Исходя из вышесказанного, можно прийти к следующим общим выводам относительно репрезентации **ö* в современных диалектах.

4.3.1. Из трех дифференциальных признаков фонемы **ö* — ряда, огубленности и подъема — наиболее устойчив подъем, остальные менее устойчивы: регулярная или спорадическая нейтрализация оппозиции **ö* с другими праудмуртскими гласными по ряду (**ö*:**o*) и по ряду и огубленности/неогубленности (**ö*:**e*) в пользу последних нашла широкое распространение в удмуртских диалектах, в то время как снятие противопоставления по подъему (**ö*:**ü*) в пользу **ü* отмечено нами лишь в двух словах бесермянского и одном слове периферийно-южного наречий (4.2).

4.3.2. Ни в одной из диалектных систем не встречаются одновременно оба — огубленный и неогубленный — варианта *ö*.

ратурного языка и диалектов: *göršok* (кукм. *göršok*) < рус. *горшок*, кукм. *köčan* 'кочерыжка' < рус. *кочан*, кукм. *böräs* < рус. *Борис*, бавл., татш. *sömña* < рус. *семья* и т. д.

³⁵ Т. И. Тепляшина, Язык бесермян, Москва 1970, стр. 76—78 (материалы по кукморскому и другим диалектам добавлены автором статьи).

³⁶ В. К. Кельмаков, Рефлексы праудмуртских среднерядных гласных верхнего подъема в современных диалектах, стр. 99.

4.3.3. Гласный *e*, являющийся регулярным заместителем **ö* в одной из диалектных систем вокализма (в языке бесермян), в качестве спорадического субститута его встречается во всех остальных диалектах.

4.3.4. Пока еще не обнаружен такой диалект, в вокализме которого гласный *o* был бы основным, регулярным, представителем **ö*. Однако, имея в виду, что налицо явный параллелизм в развитии прайдм. **ö* и **ü* (3.4), а последний в определенных диалектах регулярно представлен гласным *u*, теоретически можно предполагать существование такого удмуртского диалекта, в котором в качестве регулярного этимологического субститута **ö* выступал бы *o* (**ü* > *u* : **ö* > *o*).

4.3.5. Периферийно-южные диалекты, сохранившие фонетические свойства и фонематический статус **ö*, в этом отношении наиболее архаичны.

5. Из четырех традиционных вопросов, стоящих перед историком языка при рассмотрении путей становления любого лингвистического явления, — из чего?, как?, почему? и когда? — наибольшую трудность представляют в данном случае, пожалуй, два последних, что обусловлено отсутствием древних письменных памятников, в которых можно было бы найти прямое или косвенное указание на характер и время протекания искомых языковых процессов. В этих условиях неоценимую помощь могут оказать языковеду современные живые диалекты.³⁷ Однако степень достоверности диахронических выводов, извлеченных из особенностей пространственного размещения синхронных явлений, существенным образом зависит от степени изученности диалектов, от опыта и эрудиции лингвиста и прочих объективных и субъективных факторов. В этой связи мы вполне отдаем себе отчет в том, что наши выводы относительно причин и времени делабиализации прайдм. **ö* имеют строго предположительный и предварительный характер.

5.1. Делабиализация прайдм. **ö* в ряде удмуртских диалектов — явление не изолированное; аналогичным процессом «падения» огубленных был охвачен весь средний (передне-средний) ряд системы гласных прайдмуртского языка: подобно **ö* был утрачен и узкий огубленный гласный **ü*, причем теми же диалектами, в которых делабиализовался **ö*.³⁸

Разогубление гласных типа **ö* и **ü*, имевшее место в английском, диалектах немецкого и во многих уральских языках, квалифицируется Б. А. Серебренниковым как фонетическая фреквенталия; причина заключается, по его мнению, в тенденции к устранению участков напряжения путем замены звуков со сложной артикуляцией на более простые по произношению.³⁹

Однако это слишком общее объяснение не может дать удовлетворительного ответа на вопрос, почему эта тенденция находит реализацию

³⁷ А. А. Шахматов, предпочитавший в этом отношении диалекты письменным памятникам, писал: «История языка основывается главным образом на данных современного живого языка в его говорах (курсив здесь и далее А. А. Шахматова — В. К.), ибо эти данные, если они точно описаны, могут служить наиболее надежными отправными точками для исследования; сравнительное изучение современных говоров... дает... прочный и надежный материал для заключений о составе языка в более отдаленные эпохи и о процессах, по которым шло его изменение» (А. А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка I. Исторический процесс образования русских племен и наречий, Петроград 1916, стр. 3). «Диалектология и есть, собственно говоря, история языка, переложенная на географическую карту. Нет диалектных различий, которые не имели бы исторической значимости» (В. И. Абаев, История языка и история народа. — Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, Москва 1952, стр. 46).

³⁸ См. об этом подробнее: В. К. Кельмаков, Рефлексы прайдмуртских среднерядных гласных верхнего подъема в современных диалектах, стр. 99—100.

³⁹ Б. А. Серебренников, указ. раб., стр. 119—120.

в одних языках, или даже в диалектах одного языка, а в других языках или диалектах не имеет силы. Поэтому мы вынуждены предполагать наличие в каждом из конкретных, хотя и аналогичных, случаев делябиализации передне-среднерядных огубленных гласных своих, частных (и, пожалуй, не менее важных) причин.

5.2. Предпосылки к утрате **ö* и **ü*, как нам кажется, уже имелись в самой системе гласных праудмуртского языка. Имея довольно незначительную фонемную нагрузку, проявляющуюся в их небольшой частотности (по нашим предварительным подсчетам, **ö* и **ü* употреблялись в 150—200 корневых словах, часть которых заимствована из тюркских языков) и ограниченной дистрибуции (они употреблялись преимущественно в первом слоге), указанные гласные представляли собой слабое звено в этой системе и источник дальнейших ее преобразований. И, вполне естественно, во всех удмуртских диалектах появилась тенденция к смене гласных **ö* и **ü* на более употребительные нелабиализованные или другие лабиализованные гласные с менее ограниченной дистрибуцией (**ü* > *i* (*ä*, *î*), *u*; **ö* > *e*, *o* и др.).

5.3. Эта фонетическая тенденция удмуртских диалектов получила в дальнейшем определенные коррективы со стороны экстралингвистических факторов, в частности, самого мощного и действенного из них — влияния соседних тюркских⁴⁰ и русского⁴¹ языков, находившихся в довольно длительном и интенсивном контакте с удмуртским языком.

Судя по нашим предварительным данным, за несколько веков контактирования с русским языком произошла некоторая перестройка системы удмуртских гласных в направлении сближения с вокализмом севернорусских диалектов.⁴² Эта перестройка проявилась в первую очередь на судьбе передне-среднерядных огубленных **ö* и **ü*, процесс перехода которых в другие гласные в значительной степени был усилен, как нам кажется, влиянием вокализма русских диалектов, где отсутствуют аналогичные звуки. Примечательно, что «падение» **ö* и **ü* имело место в северных, срединных и южных диалектах удмуртского языка, т. е. именно в тех, где относительно сильно русское влияние и незначительно позднетюркское (татарское). Диалекты же периферийно-южного наречия, не имеющие непосредственного контакта с русским

⁴⁰ О воздействии татарского языка на удмуртские диалекты подробнее см.: В. К. Кельмаков, Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые фонетические особенности периферийно-южного наречия удмуртского языка. — Советская тюркология 1974, № 3.

⁴¹ Проникновение русских в земли северных удмуртов началось, как известно, в XII—XIII вв. (П. Луппов, Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века, Вятка 1901, стр. 56; Очерки истории Удмуртской АССР I, Ижевск 1958, стр. 23; В. Е. Владыкин, М. В. Гришкина, Исторические корни дружбы удмуртского и русского народов (Материалы в помощь лектору), Ижевск 1970, стр. 3—4), а несколько позднее — в XVI—XVII вв. — происходило массовое заселение удмуртских территорий русскими, продолжавшееся местами вплоть до конца XIX в., и перемещение русского и удмуртского населения. Совместные селения удмуртов и русских появились в XVII в. (В. Е. Владыкин, М. В. Гришкина, указ. раб., стр. 9), а в настоящее время деревни и села с удмуртско-русским и удмуртско-русско-татарским населением составляют, по нашим весьма приблизительным подсчетам, 31,4% общего количества сельских населенных пунктов Удмуртской АССР (Удмуртская АССР. Административно-территориальное деление. Ижевск 1972).

⁴² Существенные изменения в фонетике одного языка под влиянием другого при наличии интенсивного контакта между ними представляет собой заурядное явление в истории языков. В частности, подобные преобразования имели место в истории румынского языка, звуковой строй которого настолько изменился под влиянием славянских языков, что его, по выражению румынского лингвиста Э. Петровица, можно было бы назвать романским языком со славянским произношением (Ссылка по: Общее языкознание. Формы существования, функции и история языка, Москва 1970, стр. 294).

языком и издавна вплоть до наших дней развивающиеся при интенсивном татарском влиянии, сохранили огубленные \ddot{o} и \ddot{u} до настоящего времени. В этом проявилось, по всей вероятности, консервирующее воздействие татарского вокализма⁴³, в котором имеются (или имелись) сходные лабиализованные гласные \ddot{o} ($< *ü$) и \ddot{u} ($< *ö$).

5.4. Таким образом, структурно обусловленная тенденция к утрате огубленных гласных передне-среднего ряда в удмуртских диалектах⁴⁴ была усилена влиянием фонетической системы русского языка⁴⁵; конкретное же проявление этой тенденции и ее результаты зависели от системных отношений в вокализме каждого конкретного диалекта и тех побочных, дополнительных факторов, которые в деталях нам еще неизвестны.

6. Некоторые сведения для определения приблизительного времени «падения» огубленных можно извлечь из особенностей переселенческих удмуртских говоров на территории Башкирской АССР, развивающихся в последние столетия в относительной изоляции от центральных удмуртских диалектов под сильным влиянием татарского и башкирского языков.

Татышлинский диалект, отколовшийся от (ранне)кукморского и (ранне)шошминского диалектов в середине XVI в., т. е. непосредственно после завоевания Казани Иваном IV, сохраняет и на новой территории рассматриваемые огубленные гласные. Это свидетельствует о том, что татарское влияние, на какой бы территории оно ни происходило, способствовало сохранению $*\ddot{o}$ и $*\ddot{u}$.

Другие же закамские диалекты удмуртского языка, формировавшиеся на смежной с татышлинским диалектом территории относительно позднее — с начала XVII в. — на базе южного, северного (возможно, и бесермянского) наречий удмуртского языка, в целом утратили рассматриваемые огубленные, сохранив лишь их реликты в виде слабоогубленного e° (если таковой действительно имеется в отдельных говорах — см. выше, 1) и слабоогубленного u , употребляющегося преимущественно в соседстве с палатальными согласными в некоторых удмуртских словах и заимствованиях из татарского языка.⁴⁶

На основе приведенного материала можно прийти к выводу о том, что носители последних привезли на новую территорию делабиализованные (или, по крайней мере, находившиеся в процессе делабиализации) среднерядные гласные. В противном случае трудно предположить, чтобы разогубление рассматриваемых лабиализованных могло произойти на новой территории при наличии мощного татарского интер-

⁴³ И. В. Тараканов, Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных), стр. 279; В. К. Кельмаков, Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые фонетические особенности периферийно-южного наречия удмуртского языка, стр. 59.

⁴⁴ В этой связи хочется возразить Т. И. Тепляшиной, ошибочно утверждающей, что «утрата \ddot{o} в языке бесермян не поддается объяснению внутренними законами развития вокализма пермских языков» (Т. И. Тепляшина, Язык бесермян, стр. 164).

⁴⁵ Аналогичный факт имел место и в галицко-луцком диалекте караимского языка: под влиянием соседних (в частности, украинского) языков общетюркская тенденция к делабиализации \ddot{o} ($> e$) и \ddot{u} ($> i$) получила в указанном тюркском диалекте более интенсивное развитие (Н. А. Баскаков, Делабиализация передних гласных в тюркских языках и абсолютный переход $\ddot{o} > e$, $\ddot{u} > i$ в галицко-луцком диалекте караимского языка. — Тюркологические исследования. Сборник статей, посвященный 80-летию академика Константина Кузьмича Юдахина, Фрунзе 1970, стр. 118, 122).

⁴⁶ Р. Ш. Насибуллин, Закамские говоры удмуртского языка, Москва 1972 (канд. дисс., рукоп.), стр. 17—18.

стра, напротив, способствующего консервации их огубленного произношения, т. е. в тех же социолингвистических условиях, в которых татышлинский диалект, образовавшийся на базе *û*- и *ô*-говоров, последовательно сохранил эти гласные.

Следовательно, к началу XVII в. (возможно, и раньше), к моменту переселения некоторых групп закамских говоров удмуртов, на основной территории распространения северных, срединных и южных диалектов удмуртского языка *ô* был уже неогубленным, претерпел существенные изменения фонетического и фонологического характера и *û*.

Процесс делябиализации праудм. **ô* и утраты праудм. **û* в большинстве удмуртских диалектов протекал, как нам кажется, позднее, нежели процесс сужения **o*₂ (> *u*). Об этом свидетельствует идентичность результатов изменения **o*₂ во всех удмуртских диалектах (т. е. оно протекало в период праудмуртской лингвистической общности до окончательного разделения современных диалектов) и несходство результатов «падения» **ô* и **û* в различных диалектах (следовательно, последнее происходило уже после распада праудмуртского языка на относительно самостоятельные диалекты современного типа).

7. Во всех ли указанных диалектах «падение» передне-среднерядных огубленных гласных завершилось одновременно, об этом за неимением достоверных данных трудно судить. Можно лишь предположить, что этот процесс, как, кстати, и изменение праудм. **η* в другие носовые согласные⁴⁷, протекал более интенсивно и завершился в первую очередь в наиболее подверженных русскому влиянию северных диалектах и продвигался постепенно на юг, захватывая один диалект за другим, пока не остановился на подступах к периферийно-южным диалектам, встретив на своем пути пространственный (как известно, периферийно-южное наречие непосредственно не граничит с другими удмуртскими диалектами) и лингвистический (5.3) барьер.

⁴⁷ В. К. Кельмаков, О некоторых специфичных фонемах кукморского диалекта удмуртского языка. — СФУ IV 1968, стр. 190—193.

Сокращения названий удмуртских диалектов

бавл. — бавлинский, зак. — закамский, кукм. — кукморский, п.-южн. — периферийно-южные, сев. — северные, сред. — срединные, татш. — татышлинский, шошм. — шошминский, южн. — южные.

V. K. KELMAKOV (Iževsk)

DAS SCHICKSAL DES URUDMURTISCHEN LABIALISIERTEN *ô* IN DEN HEUTIGEN MUNDARTEN

In der urudmurtischen Sprache war die mittlere (vorder-mittlere) Reihe durch einen Vokal der mittleren Zungenhebung — durch das labialisierte **ô* — vertreten, das mit dem **û* der hohen Zungenhebung (**ô*:**û* = **o*₂:**u*) in Korrelationsverhältnissen stand.

Das urudmurtische **ô* hat seine phonetischen Eigenschaften und seinen phonematischen Charakter nur in der peripherisch-südlichen Mundart erhalten, in den anderen Mundarten aber ist es bestimmten Veränderungen unterworfen worden: in der nördlichen und in der südlichen Mundart, in den dazwischenliegenden mittleren und jenseits der Kama liegenden Mundarten hat es die Labialität eingebüßt und ist phonematisch als ein unlabialisiertes *g* erhalten geblieben, in der bessermänischen Mundart hat man als Folge der Delabialisierung des **ô* seine funktionale Verschmelzung mit dem *e* der vorderen Reihe. Fast in allen Mundarten aber findet man sporadische Abweichungen von der genannten Gesetzmäßigkeit der Repräsentation des betreffenden urudmurtischen Vokals (urudm. **ô* > nördl., südl., mittl., j. d. Kama *e*, *o*; p.-südl. *e*, *o*, *â*, besserm. *o*, *â*).

Der Aufsatz erörtert auch die intra- und extralinguistischen Gründe und die vermutliche Zeit der Umwandlung des urudmurtischen **ô* in andere Vokale.